

нии славянских народов (соответствует вводной статье ПВЛ), вторая собственно и была «Сказанием о преложении книг» в узком смысле этого слова (имеется в виду ядро рассказа ПВЛ под 898 г.), третья часть повествовала о нападении венгров, их крещении, затем о пагубной деятельности епископа Войтеха (соответствует рассказу Хронографической толковой палеи по списку 1494 г.). Свою реконструкцию А. А. Шахматов пытается подкрепить еще двумя памятниками: второй редакцией так называемой ~~Греческой летописи~~⁵ (XII в.) и Повестью о латынях, возникновение которой ученый относит также к XII столетию.

Эллинико
го лето-
писца

А. А. Шахматов продолжил и углубил давнюю мысль А. Л. Шлецера: «Сказание о преложении книг» — это вставка в ПВЛ. Другое дело, конечно, реконструкция источника этого Сказания. Она не встретила всеобщего одобрения — эта реконструкция, наоборот, вызвала живейшую критику. Самым радикальным противником взгляда А. А. Шахматова оказался Н. К. Никольский, причем не только в вопросе о «Сказании о преложении книг», но и в понимании генезиса ПВЛ вообще.⁵ Он считает «Сказание о преложении книг» не вставкой редактора начала XII в., а остатком древнейшей киевской летописи о Поляно-Руси, которая восходила к западнославянскому сочинению, созданному в кирилло-мефодиевском окружении. В ПВЛ Н. К. Никольский стремится как можно отчетливее определить две тенденции — западнославянскую (и «полянскую»), которая рассказывает о Норике, Иллирике, связывает Поляно-Русь с областью среднего Дуная, и тенденцию варяго-русскую и грекофильскую, которая ориентируется на норманнов и Византию. Н. К. Никольский представляет себе развитие киевской летописи следующим образом: сначала она исходила из какого-то западнославянского историографического произведения, возникшего в кирилло-мефодиевском окружении, затем была проредактирована и переработана сторонником греческой ориентации и приверженцем норманнской теории. Что еще входило в эту первоначальную «поляно-русскую» летопись, Н. К. Никольский утверждать не решает, но допускает, что она содержала также упоминание о чешском князе Андрихе, т. е. Ольдржихе (начало XI в.).

Работа Н. К. Никольского совершенно расходилась с распространенным взглядом на возникновение ПВЛ, особенно с наиболее разработанными концепциями А. А. Шахматова. Поэтому она сразу же вызвала критику Г. А. Ильинского⁶ и В. М. Истрина.⁷ По мнению первого, западнославянская хроника, как ее представлял Н. К. Никольский, «остается пока миражом», а равенство Поляне-Русь — дополнительная глосса. Г. А. Ильинский упрекает Н. К. Никольского за то, что тот игнорирует работы Пекаржа о Кристиане. Сам Г. А. Ильинский убежден, что сочинение Кристиана относится к концу X в. и поддерживает взгляд Пекаржа на совпадения ПВЛ и Кристиана. Г. А. Ильинский, как и Пекарж, рассуждает о неизвестном сочинении ученика Мефодия, которое послужило источником Кристиана, предположительно отождествляя его

⁵ Н. К. Никольский. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании, вып. 1. — В кн.: Сборник по русскому языку и словесности, т. II, вып. 1. Л., 1930, стр. 1—108.

⁶ Г. Ильинский. Рецензия на книгу «Н. Никольский. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании, вып. 1» (Л., 1930). — Byzantinoslavica, гоѣ. II, sv. 2 Praha, 1930, стр. 432—436.

⁷ В. М. Истрин. Моравская история славян и история поляно-руси как предполагаемые источники Начальной русской летописи. — Byzantinoslavica, гоѣ III, sv. 2. Praha, 1931, стр. 308—332; гоѣ IV, sv. 1. Praha, 1932, стр. 36—55.